

Почувствовать историю

Национальный исторический музей приобщает к истории людей с ограниченными возможностями

Жарким августовским предвечерем у меня зазвонил телефон:

– Здравствуйте, я – Елена Бухал, заведующая научно-методическим отделом Национального исторического музея. Возможно, вы слышали о нашем проекте, куда мы приглашаем людей с ограниченными возможностями?

Честно призналась, что нет.

– Сейчас готовим выставку «История без границ», хотела бы кое-что рассказать. Придете?

Проект «Включись в музей!»

И вот мы в прохладной кондитерской, где мирное журчание кофейника и хруст круассана, как камертон для долгого разговора.

– Я человек консервативный, – признается Елена Николаевна. – В моем понимании музей – это пространство в высшей степени эксклюзивное. Вспом-

ните: когда в детстве переступали музейный порог, нам первым делом что говорили? Не бегай, не шуми, не трогай!» Тем более здесь, в музее белорусской цивилизации, где в компактном пространстве собраны предметы разных времен.

Конечно же, эти предметы за стеклом музейных витрин рождают в нас благоговение и... желание к ним прикоснуться. Но мы лишь созерцаем нашу

Национальный исторический музей Республики Беларусь, 2022 год

Чудо-плита очень заинтересовала посетителей. А вот бублики и кулич остались незамеченными, потому что их нельзя потрогать

историю, понимая, что это невозможно. А ведь есть люди, для которых прикосновение – почти единственный и главный способ познания мира. Люди, которые не видят или, в силу своих ментальных особенностей, не понимают объяснений экскурсовода, или не способны самостоятельно передвигаться. До недавнего времени двери музеев были для них плотно закрыты. Огромная несправедливость! Не говоря уже о том, что в каком-то смысле эти люди оставались вне общества, вне накопленного обществом духовного опыта.

Елена Бухал задумалась об этом еще девять лет назад, когда, отучившись на историческом факультете Белорусского государственного университета, пришла на работу в Стародорожский историко-краеведческий музей.

Уже здесь началось ее сотрудничество с территориальным центром обслуживания населения, и в музей стали приходить люди с самыми разными нарушениями здоровья.

– Представьте, передо мной сидит шесть взрослых мужчин с мозгом восьмилетнего ребенка, а перед ними я – 158 см, 55 кг, – с руками, мокрыми от страха, – говорит Елена Николаевна.

Впрочем, ее испуг вскоре испарился, а в Национальном историческом музее, где она работает с 2016 года, такие ситуации в принципе невозможны.

Саша и Вася под руководством Елены Бухал изучают «волшебную палочку»

Каждого инклюзивного посетителя сопровождает волонтер, который его знает и надежно контролирует.

Уже три года здесь проводятся занятия для особенных взрослых и детей. К чести музея, все они бесплатные.

«Слышу, как дочка спрашивает у мамы: „А что с этими детками?“ В такие моменты всегда внутренне напрягаюсь, потому что очень важно, как среагирует взрослый».

Три года проекта – это три года усилий, чтобы решить три самые важные задачи: создание подлинно безбарьерной среды, разработка новых средств музейной коммуникации и вовлечение людей с инвалидностью в полноценную социальную жизнь, в дружбу со здоровыми сверстниками.

– Зимой к нам приходили посмотреть экспозицию «Елочные игрушки» ребята из спецшколы для детей с нарушениями зрения, – рассказывает Елена Бухал. Она настаивает на том, что слово «посмотреть» точно так же, как к обычным людям, относится к незрячим. И совершенно естественным образом говорит им: «Посмотри!», а инвалидам-колясочникам: «Пойдем!» – ее подопечные, по моим наблюдениям, только рады такому обращению.

Женя с мамой увлеклись самотканым нарядным поясом

Экскурсию проводит Елена Бухал

Рядом с незрячими школьниками были и «обычные» группы, мамы с детьми.

– Слышу, как дочка спрашивает у мамы: «А что с этими детками?» В такие моменты всегда внутренне напрягаюсь, потому что очень важно, как среагирует взрослый, – продолжает Елена Бухал. – Мама отвечает: «Похоже, эти детки не видят». С этого момента все внимание восьмилетней девочки было приковано к ее ровесникам, столь непохожим на нее саму.

А они в тот момент изучали игрушки на ощупь, благо хозяин выставки им это разрешил.

– Можно объяснить незрячим людям даже цвет, – ошарашивает меня Елена Николаевна. – С помощью звуков и текстур, ассоциативного ряда и прочих подобных вещей. Нужно лишь сделать крошечный шаг вперед. Та девочка присоединилась к нашим занятиям, и это было хорошо для всех.

Еще более показательная история приключилась, когда в музей пришли дети с нарушениями слуха.

– В зале нумизматики рядом с ними находились подростки из обычной общеобразовательной школы, которые сразу поняли, что с этими посетителями что-то не так, – говорит музейный работник. – Самый смелый подошел ко мне и спрашивает: «А что, эти дети не слышат?» Отвечаю: «Да, но вы можете

с ними пообщаться и показать друг другу, какие предметы вам больше всего нравятся».

Две группы детей сразу же перемешались.

– Мне кажется, что такие инклюзивные проекты очень укрепляют общество в целом, – утверждает моя собеседница.

Но для того чтобы это случилось, нужно немало сделать и многое преодолеть.

«В нашей программе был человек – это меня очень впечатлило, – который до 23 лет вообще ни разу не выходил из дома».

Особая тема – инвалиды-колясочники. В последние годы в наших городах создана неплохая безбарьерная среда, удобная и старикам, и незрячим, и мамам с колясками... Но много ли колясочников мы видим на улицах, в парках, магазинах, музеях, театрах? Даже там, где для них созданы, можно сказать, прекрасные условия.

Национальный исторический музей по самой конструкции здания – место отнюдь не идеальное в этом смысле.

– Когда-то в нем размещался банк Российской империи, – говорит Елена Бухал. – Тут очень крутые скатные лестницы. Установить на них

телескопические пандусы по правилам безопасности физически невозможно.

Проблема решается за счет комбинации телескопических пандусов и специальных устройств – ступенькоходов. Таким способом колясочники попадают на второй и третий этажи.

– Мы дружим с ними уже три года, и все у нас получается, – улыбается Елена Николаевна. – В нашей программе был человек – это меня очень впечатлило, – который до 23 лет вообще ни разу не выходил из дома. С нами он впервые оказался в музее и многое открыл для себя, а мы для себя.

Директор Национального исторического музея Александр Храмой не без гордости констатирует:

– Мы больше всех других музейных учреждений нашей страны продвинулись в направлении инклюзии.

По его словам, дооснащение музея под нужды инвалидов – закупка ступенькоходов, устройство пандусов – началось еще при прежних директорах.

– Затем взялись за вторую часть дела, – говорит Александр Васильевич. – Обеспечили музей шрифтом Брайля, чтобы незрячие чувствовали себя у нас более уверенно.

Но, разумеется, для слабовидящих этого недостаточно, тем более что шрифт Брайля умеют читать только слепые с рождения или потерявшие зрение в младенческом возрасте.

– Поэтому сейчас создаем для незрячих специальные аудиогиды, которые помогут им максимально наглядно представить себе то, чего не могут увидеть, – рассказывает директор.

«Мы больше всех других музейных учреждений нашей страны продвинулись в направлении инклюзии».

Этим занимаются Елена Бухал и старший научный сотрудник Вероника Катичева.

– Наши зрители прекрасно осведомлены, что незрячему посетителю недостаточно сказать: «Осторожно!» Надо предупредить: «Осторожно, перед вами в пяти шагах длинная стеклянная витрина», – просвещает меня Елена Бухал.

Макс в восторге: сейчас вылетит птичка!

Именно стекло, а не крутые ступеньки – главное препятствие для музейной инклюзии. Вот почему недавно открывшаяся первая большая инклюзивная выставка в истории Национального исторического музея – это совсем другой тип пространства, почти свободный от холодных и хрупких стеклянных оков.

История без границ

Выставку с одноименным названием, которая тогда еще не была в открытом доступе, я осмотрела так: Александр Васильевич сам отпер дверь, включил свет... И кратко пояснил:

– Мы открыли эту выставку без церемоний и объявлений – хотели сделать людям сюрприз, чтобы они сами посмотрели, насколько он им интересен.

Сюрприз явно удался. Безбарьерная среда оказалась вполне себе барьерной, но задуманной и осуществленной настолько хитроумно и мастерски, что у меня перехватило дух.

– Вы же видите, я за одну секунду могу все демонтировать и запустить людей, – хитро улыбается директор музея. – Для меня главное, чтобы это происходило под контролем наших сотрудников, чтобы нашу выставку в одночасье не разнесли.

Вы спросите, о чем она? О традиционных белорусских обрядовых праздниках, многие из кото-

рых, как говорит Александр Храмой, «являются самыми важными, обязательными и понятными даже в условиях нашего урбанистического времени».

Праздники патриотичные, радостные, трепетно сохраняемые и в маленьких деревнях, и в современных агрогородках.

Впрочем, кое-что из того, о чем рассказывают посетителям сотрудники музея, для многих вполне себе экзотика. Например, комоедица – праздник, когда весной будят медведя. Или волочечники на Пасху – по распространенности этой традиции этнографы определяют зону расселения белорусов. Представляю, насколько любопытно это было голодным умам инклюзивной молодежи. Видела их горящие глаза, когда месяц спустя Елена Бухал пригласила посмотреть выставку в действии.

А при первом знакомстве с ней поражаюсь изяществу экспозиционной идеи: «разместить» каждое время года в отдельном загончике, обозначив его легкой жердевой изгородью, какие и поныне бытуют в наших деревнях. Сдвинешь веревочное кольцо, приподнимешь жердь – и пожалуйста, вход открыт. А если не хочешь заходить, изгородь не помеха для взгляда. Кажется, она сама

экспонат, настолько удачно вписалась в традиционно деревенскую, фольклорную среду обитания, которую создали музейные специалисты.

Разумеется, такое пространство удобно и безопасно для здоровых и для больных, для слабовидящих, для посетителей в инвалидных колясках, для детворы и для мам с малышами.

Самое важное – возможность потрогать руками любой экспонат. Проверить на ощупь фактуру ткани. Подержать в руках деревянную птицу. Со всей силой взяться за неподатливую рукоять жернова и на себе прочувствовать, как тяжело дается превращение ячменных зерен в муку. Постоять за ткацким станком. Изучить устройство уникальной кухонной плиты – наполовину дровяной, наполовину электрической. Поднять тяжелую блинную сковороду. Подбросить в печку поленьев.

Каким же чудом музейные экспонаты выбрались из запасников, из фондохранилищ, из запертых наглухо стеклянных витрин, где на них запрещено даже дышать, и вступили в прямое, без преград и посредников, общение с людьми?

– Предметы не музейные, но подлинные, – заверил Александр Храмой. – Мы работаем с коллекционерами. Очень помог в этом плане Владимир

Здесь умеют внимательно слушать

Ох, нелегкая это работа – проворачивать жернова, но Саша справляется

Редкую вышивку из коллекции Владимира Лиходедова тоже можно потрогать

Лиходедов, который передал из своей коллекции костюмы с условием, что к ним можно прикасаться.

Это совершенно новый подход. И, судя по всему, он получит дальнейшее развитие.

– Для нас ценно показать и дать потрогать предметы из музейной коллекции, – подчеркивает директор.

Между тем Елена Бухал давно использует методику, когда оригинальный предмет находится в витрине, а посетитель держит в руках его точную копию.

– Для меня немного странно, когда специалист приносит с собой в коробочке копийные предметы, – говорит Александр Храмой. – Все-таки они должны быть в экспозиции.

Хотя и коробочки до сих пор никуда не ушли. Многие предметы слишком мелкие, да и работать с ними гораздо удобнее и познавательнее под руководством специалиста.

К примеру, взяв в руки бердо – устройство для ткачества поясов и тесьмы, – вы вряд ли догадаетесь, что это такое, и уж точно сами не сообразите, как заправлять в него нити. А специалист расскажет и покажет, возможно, научит, и для кого-то это древнее ремесло станет увлечением или даже профессией.

То же касается и материалов, из которых творили свой вещный мир наши далекие предки.

– В экспозиции «Древняя Беларусь» есть гигантский глиняный горшок, которому почти пять тысяч лет, – обращает внимание Елена Бухал. – Трогать его нельзя. Но можно же помять глину, изучить тогдашние способы ее обработки.

Вспоминается прошлогодняя экспозиция «Беларусь и белорусы. Гид по истории и культуре», где в специальных гнездах таились самые разные сюрпризы: кремь, галька, мох, волчий мех, льняное волокно, древесина, пенька. Засунь руку и угадай на ощупь!

– В этом году в программе «Включись в музей!» особенно активно работаем с незрячими посетителями, – рассказывает моя собеседница. – Вся музейная драматургия и экспозиция построены на визуале, а им нужно дотронуться, прикоснуться.

Пока, по моим впечатлениям, «История без границ» более визуальна, чем тактильна. Огромные, яркие, почти лубочные картины на стенах. Шедевры народного ткачества. Редчайшие фотографии конца XIX – начала XX века из коллекции Владимира Лиходедова.

Наверняка все это радует многих посетителей. Но немало и тех, кому надо чувствовать историю на ощупь. Главное – проект живет и развивается. Он приносит радость и малышам, которым в «витринном» музее довольно уютно, потому что экспона-

ты располагаются слишком высоко и недоступны даже для детских глаз, не говоря о пальцах и носе.

Признаться, я опасалась, что музейный инклюзивный проект – это заповедник, в котором нет радости. Но все сомнения развеялись, когда побывала на выставке в компании «особенных» посетителей. Такие мероприятия проводятся в Национальном историческом музее каждый месяц. Честно говоря, с нетерпением ждала этой встречи.

«Чем больше мы зажаты и неестественны, тем сильнее наши собеседники ощутят себя отдельными от нас, и это уже никакая не инклюзия».

И наконец заветный день настал.

Парадное крыльцо музея оказалось на ремонте. Вход со двора, а значит, никакого пандуса, да еще узкая калитка, через которую, должно быть, не так-то просто протискиваться в инвалидной коляске. Но беспокоилась я напрасно. Волонтеры и сотрудники с легкостью решали эти проблемы, помогая людям с ограниченными возможностями попасть в фойе.

– Зал на первом этаже. Он без порога, нам будет удобно, – обращается Елена Николаевна к собравшимся. И с улыбкой продолжает: – Сейчас пойдём. Я возьму Сашу, если Вася мне ее уступит.

Саша – незрячая милая девушка с белокурыми, почти детскими прядями волос. Вася – ее провожатый, галантный «инклюзивный» кавалер в белой рубашке и галстуке.

Народу, к моему удивлению, много. Рады встрече. Переговариваются между собой: «Я скучал! А ты?» – «И я скучала!».

Неожиданно за моей спиной раздался юный звонкий голос:

– Здравствуй, меня зовут Максим!

– А я Юля, рада с тобой познакомиться.

Интуитивно ощущаешь, к кому и как здесь обращаться: на вы или на ты. Или лучше обойти стороной, не травмировать. Таких смелых, как Максим, больше не нашлось, хотя Елена Николаевна и объяснила ребятам, кто я и зачем пришла.

– Ты давно сюда ходишь? – спрашиваю Максима.

– Пока еще нет.

– Но тебе здесь нравится?

– Да, очень!

– Юлия, – делает мне замечание Елена Бухал. – Если будете плохо себя вести, удалю из группы. У меня правило: когда я говорю, все молчат.

Затаив дыхание, слушаем задушевный рассказ музейного работника: что такое календарь, о праздниках и подарках природы.

– Ну, какие могут быть подарки? Грибы, ягоды...

– Дожди! – восклицает колясочник Павел.

Болезнь искорежила буквально все его мышцы. Но парень чуть ли не единственный из этой группы работает: шлифует деревянные изделия.

Елена Бухал объясняет, что дожди – тоже подарок, да еще какой! Без дождя нет урожая. Легко и свободно, с шутками и прибаутками, с радостным смехом экскурсия стремительно движется вперед.

– Чем больше мы зажаты и неестественны, тем сильнее наши собеседники ощутят себя отдельными от нас, и это уже никакая не инклюзия, – предупредила меня Елена Николаевна еще на первой встрече.

«Эти люди знают, что они с инвалидностью, но не это их определяет, не это главное, что у них есть».

Ведь инклюзия – это совместность, это мир, где все люди – с инвалидностью и без – едины и равны, с одинаковым правом на полноту жизни, веселье, радость и счастье.

Одна из разновидностей счастья для этих людей – ощупывать, гладить, нюхать, передавать по кругу различные предметы из волшебной музейной коробочки. Восковые свечи, как выяснили эти ребята, очень тонко пахнут медом.

Но тактильность увлекает не всех. Василий, к примеру, мне признался, что ему не нравится брать в руки и трогать незнакомые предметы.

– Я их не щупаю! Неохота! – морщится он. А все равно его лицо лучится радостью.

Когда все закончилось – на пике интереса и увлеченности, никто не соскучился, не устал! – с разрешения Елены Бухал побеседовала с участниками проекта.

– Сашенька, интересно было?

В ответ – счастливый смех и звонкое «Да!».

Знаю, что она незрячая и ходит в музей больше года.

– Что интереснее, жернова или плита?

– Плита. А жернова без Елены Николаевны точно бы не сдвинула!

– Саша у меня самая красивая, – подключается к нашему разговору Елена Бухал. – Она такая нарядная! У нее и других девчонок всегда красивый маникюр.

Юрий с виду явно старше других. Интеллигентный, образованный. В музей пришел по приглашению территориального социального центра, никогда здесь раньше не был, горит желанием увидеть все залы:

– Тут же их, по-моему, очень много. А мы осмотрели только один.

Женя – яркая красавица в инвалидной коляске – тоже впервые в музее:

– Меня пригласила Елена, организовала такси...

Вместе с Женей ее мама, для которой поход в музей стал настоящим открытием:

Объятия – обязательная часть встречи

– Хотелось бы еще очень многое узнать. Например, как встречать Рождество, какие готовить блюда.

Как и многие люди с инвалидностью, Женя пока не нашла себя в работе, хоть и окончила Белорусский государственный университет с квалификацией «философ, преподаватель философии и социально-гуманитарных дисциплин».

Валерия – тоже колясочница – окончила профессионально-технический колледж, отработала год, попала под сокращение и вовсе не печалится:

– Я не грущу, я пенсионерка. А что грустить? Кому от этого будет лучше?

В музей она ходит, как сама говорит, уже три года. Помогает ей добираться сюда волонтер Федор, водитель скорой помощи.

– Если б не нравилось, не ходила бы, логично? Интересно узнавать что-то новое, а потом пересказывать знакомым, у которых нет возможности сюда попасть, – говорит девушка.

Кто ее собеседники? Обитатели социальных сетей, из-за проблем со здоровьем на долгие годы застрявшие дома, но способные читать, интересоваться и размышлять. Общение с ними для Валерии своего рода миссия, может быть, даже смысл жизни.

Про себя отмечаю: «особенные» посетители энергичные и жизнерадостные, охотно общаются, строят планы. Даже краткое соприкосновение с ними убедило меня в правоте Елены Бухал, которая заметила:

– Эти люди знают, что они с инвалидностью, но не это их определяет, не это главное, что у них есть.

Инклюзивный проект Национального исторического музея удостоен президентского гранта. Это лучшее свидетельство того, что музейная работа с инвалидами – дело государственной важности. Ведь с какой стороны ни посмотри, инклюзия – еще одна грань общественного согласия, нашего народного единства. Мы вместе созвучно ощущаем свою историю и современность, и это лучшее из чувств.

Юлия НАРОЧАНКА

Фото Оксаны МАНЧУК